

ОТЗЫВ официального оппонента
о диссертации на соискание ученой степени
кандидата наук Ожиговой Марии Михайловны
на тему: «Гуманитарно-исторический дискурс в русской и
немецкоязычной прозе начала XX века: компаративистский аспект»
по специальности 5.9.3. Теория литературы.

Диссертационное исследование М. М. Ожиговой посвящено актуальному вопросу об идейно-типологическом сходстве произведений разных литератур в том случае, если невозможно говорить ни о прямом, ни о достаточном косвенном влиянии, ни о сводимости сюжетно-тематических и конструктивных новаций произведения к общим источникам. Во времена, когда создавались рассматриваемые произведения, еще сильны были идеи прогресса, когда можно было объяснять такое сходство общим репрезентативным потенциалом литературы или участием в движении прогресса, передающего литературе новые социальные функции примерно с одинаковой заинтересованностью — в странах, находящихся примерно на одном уровне развития. Но самое интересное, что все выбранные для анализа произведения не просто оспаривают идею прогресса, но они представляют ее в гротескном виде, можно говорить о высоком сарказме этих произведений, а не о простом отрицании. Исследовательница стоит перед настоящим парадоксом предавангарда и авангарда: «идущие и останавливающие прогресс» произведения показывают те сходства, от которых сам прогресс, решающий частные вопросы и выясняющий отношения с регрессивным, не доходит, останавливаясь на полпути.

Новизна работы прежде всего методологическая. С опорой на Фуко исследовательница вводит понятие о текстопорождающем дискурсе. Тем самым ей удастся более чем удачно совместить авангардный пафос

промышленного производства и дискурсивные усилия писателей, которые нельзя свести к производству. Если говорить о том, что объединяет всех выбранных писателей — это дискурс, далекий от норм воспроизводства, но при этом невероятно почтительный к труду, в широком смысле, включая интеллектуальный труд, труд размышления, труд бытия в культуре и даже определенного сыновства в культуре. Это сыновство может быть бунтарским, но оно настолько несомненно и неотменимо, что невозможно построить методологию, не приняв этого чувства всем своим существом.

Цель исследования укоренена в понятии культурной доминанты, что не может не напомнить построения А. А. Ухтомского. Но доминанта здесь — это детерминанта дискурса, это то, что позволяет не столько человеку ориентироваться в мире, как у Ухтомского, приходя в себя и осознавая, что сделал ты прежде на самом деле, сколько дискурсу ориентироваться среди дел. По сути, сравнивая произведения, исследовательница изучает опыт вменяемости произведений в широком смысле. Я бы даже говорил, что во всех этих произведениях на смену принципу репрезентации пришел принцип вменения, не только вины и ответственности, но и самой памяти о поступках. Разрывы в опыте человека здесь объясняются не социальной организацией опыта и приоритетами социального восприятия, но уже внутренним замыслом внутри человека, что эти разрывы, забвения, провалы и сообщают о том, где доминанта дискурса только и может объяснить личность современного тогда человека. Это сразу также напоминает о спорах о Гамлете как первом современном человеке, вызванных книгой Брандеса — трагедия Шекспира и стала таким дискурсом эпохи с предельным числом доминант.

Цель исследования достигнута и задачи исследования решены. Положения, вынесенные на защиту, доказаны полностью. Работа имеет несомненную теоретическую значимость, как исследование литературной культуры не в стертом, а в подлинном смысле этого слова — способности литературы подняться над обычаями, словесными и бытовыми, даже если это грозит сарказмом или почти абсурдом. Практическая значимость работы тоже

несомненна — ее можно применять и при университетском изучении литературы XX века, и при «введении» в проблематику дискурса и литературной коммуникации, как дополнение к привычным теориям фигуральной речи. Работа бросает свой свет не только на наследие Фуко, но и на критические построения других постструктуралистов, как Ж. Женетт, которых тоже следует изучать, чтобы читать литературу XX века. Практическая значимость доказана и разработкой оригинального авторского курса, внедренного в практику преподавания. В работе столь подробно рассматриваются теории дискурса и компаративные теории, что возможно ее внедрение в учебный процесс здесь и сейчас.

Разумеется, столь впечатляющая по замыслу и тщательная по исполнению работа может вызвать иногда спор или желание уточнений. При этом достоверность и новизна полученных выводов нигде не может быть оспорена.

В теоретической главе (первой главе первого раздела) спорен оборот «философская наука» и подобные указания на философию как на часть системного социально-гуманитарного знания. Вероятно, лучше было бы говорить «философская методология», иначе получается, что смешиваются философия как актуализация социального вектора науки, как это было во Франции, и философия как особый тип знания. Во французской теории, исходя из общего представления о вовлеченной философии, философском действии, эти аспекты могут не разделяться, во всяком случае после Башляра с его «эпистемическим разрывом», но оговорка о понимании философии была бы желательна.

В главе 2 тезис о возможности «морфологии литературоведения» (с. 101) со ссылкой на П. А. Николаева не получил развития. Можно было бы указать на целый ряд мыслителей и ученых, относящихся к исследуемой эпохе, которые говорили о морфологическом подходе к искусству. Это не только сразу вспоминающиеся Шпенглер и Пропп, но и М. С. Каган, чья морфология культуры по своим начальным истокам относится к изучаемой эпохе всецело

и могла бы дать некоторые ключи к типологическому сходству вне привычных типологий литературоведения, подчиненных социальным и эстетическим рамкам. Морфология Кагана позволяет изучать не устойчивые формы творчества, обустроенные в устойчивой функции его, внутри «вакансии» поэта или художника, а наоборот, переходные формы, находя сходство между ними, необычайное схождение. Оно обусловлено не общностью рамок, и даже не общностью порыва, но особым движением культуры между предпосылками, такими как миф и быт, и следствиями переходной эпохи, такими как открытость всему, вселенское измерение того, что прежде казалось частным. Гротеск, ирония, сатира тогда могут рассматриваться не как ситуативные стратегии внутри социальной репрезентации, но как первый эффект взгляда на жизнь после опыта такой открытости.

В главе 3 на с. 116 отказ от субъекта у Фуко в пользу археологии знания, а у Лотмана — в пользу поиска информационных моделей культуры понимается как недостаточный, и ему противопоставляется возвращение субъективности в самой диссертации. «Мы же, принимая во внимание особенности художественного творчества, учитываем субъективный аспект». Думается, как раз аспект субъективного и для Лотмана, и для Фуко существовал, но именно как аспект, то есть как один из ресурсов означивания, как она из инстанций семиозиса. Кажется, в приведенной фразе смешивается философский и бытовой смысл слова «субъективный» — в философии это слово означает инстанцию неоспоримого действия или присутствия, тогда как в быту — определенное явление воли, в том числе «творческой воли» (Kunstwille) внутри плотной сети социальных институтов. Правильнее, наверное, было бы говорить о специфической субъективизации предавангардной и околоавангардной литературы, например, о трансформации патетики, о неоромантизме и его критике, и говорить не о «субъективном», а о «субъектном». При этом изложение Фуко в работе образцово, вероятно, это самое подробное, аналитическое и фундаментальное по мысли изложение Фуко как литературоведа в диссертациях.

В изложении истории Австро-Венгрии в 1 главе второго раздела есть немало публицистических штампов, вроде «напряжение шло по всем фронтам», «нельзя сказать, что жили в резервации», уместных в монографии, но не в диссертации. В этой же главе говорится о появлении «гуманитарно-исторического дискурса» в Австро-Венгрии, при этом не дается уточнений к определению, связанной со спецификой ситуации в стране, например, в отношении между властью и университетами, в относительной веротерпимости и т. д. Так как дискурс всегда, по Фуко, политичен, об этом можно было бы дать несколько фраз, заодно напомнив и содержательные границы этого ключевого для диссертации определения. Ну и есть некоторые неопределенности, следующие из несколько беллетристического изложения, например: «В Праге того времени особенно была развита культура салона или беседы в кафе, где можно было обсудить последние новости» (с. 179), значит ли это, что она была развита лучше, чем в Вене, или так же, как в Вене, или как-то специфично в сравнении с Веной?

Беллетризация изложения приводит иногда к таким размытостям и даже несогласованиям во фразе и в разговоре о Германии и России, например: «В этом смысле можно говорить о своеобразной бытовой мистике (спиритизм) и высокой мистике, являвшей себя в художественных течениях, наиболее ярко выразившаяся в символизме» (с. 208). Лучше было бы говорить о популярном спиритизме и эзотеризме художественной богемы как двух явлениях эпохи, находящихся в определенном отношении (контекст общей тревожности эпохи, общих религиозных исканий и недовольства традиционными конфессиями и т. д.).

Наконец, в диссертации широко употребляются понятия «символический» и «аллегорический», при этом «аллегорический» относится практически всегда либо к уровню текста, либо к той или иной визуализации социального (картине происходящего), тогда как «символический» — к уровню художественной детали или к бытовому смыслу символического как противоположного реальному. Например, «символическая гибель героя» (у

Булгакова и Кафки) скорее должна была бы пониматься как гибель социального и дискурсивного субъекта перед физической гибелью, а символы-детали, такие как символ фонаря, несут и аллегорическую нагрузку. Вероятно, следовало бы уточнить, что в этих произведениях переходной эпохи аллегоризм может относиться ко всем уровням текстов, а символизм является ресурсом их социального звучания и потому действует уже как вектор роковой драматизации, распада социально-дискурсивной ситуации, превращающей героя в простое отсутствие.

В работе есть опечатки, такие как пропуск запятых в нескольких местах. Есть и не вполне внятные синтаксически, хотя и интуитивно понятные при внимательном прочтении фразы, вроде «Так, герои обоих произведений претерпевают превращение, но это не просто метаморфоза схожая с превращением в осла, как например, у Апулея, или реальность (если рассматривать более поздние тесты, хронологически близкие исследуемым), переданная через взгляд Каштанки или даже Грегора Замзы – другого героя Кафки» (с. 328).

Все эти замечания имеют частный характер и не затрагивают аргументации и полученных промежуточных и окончательных выводов, совершенно убедительных.

Вместе с тем, указанные замечания не умаляют значимости диссертационного исследования. Диссертация отвечает требованиям, установленным Московским государственным университетом имени М.В. Ломоносова к работам подобного рода. Содержание диссертации соответствует специальности 5.9.3 – Теория литературы, а также критериям, определенным пп. 2.1–2.5 Положения о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова, а также оформлена согласно требованиям Положения о совете по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Ожигова Мария Михайловна заслуживает присуждения ученой степени кандидата наук по специальности 5.9.3 – Теория литературы.

Официальный оппонент:

доктор филологических наук,
профессор кафедры кино и современного искусства
факультета истории искусства
ФГБОУ ВО «Российский государственный гуманитарный университет»

МАРКОВ Александр Викторович

подпись

Дата подписания

Контактные данные:

тел.: +7 (499) 973-42-55, e-mail: 

Специальность, по которой официальным оппонентом
защищена диссертация:

10.01.08 – Теория литературы, текстология

Адрес места работы:

125047, г. Москва, Миусская площадь, д. 6,
Российский государственный гуманитарный университет, кафедра кино и
современного искусства факультета истории искусства
Тел.: +7 (499) 973-42-55; e-mail: markov.av@rggu.ru

20 февраля 2024 г.